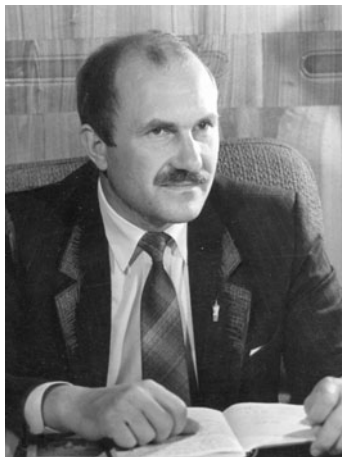

ПЁТР АЛЁШКИН

ВАСЬКА-НЕМЕЦ

РАССКАЗ

— Когда мама рассказала мне историю моего рождения, поверь, шок — слишком слабое понятие, чтоб передать, что я испытал, — говорил Василий Рзянин своему бывшему однокласснику Дмитрию Анохину. Они почти двадцать лет не виделись, случайно столкнулись на Тверской и зашли в кафе. Стали вспоминать школьные годы. В то время Рзянина, сына учительницы немецкого языка, звали Васька-немец. — Я всю жизнь считал, что я сын советского солдата. И вдруг такое! Осознать, принять было непросто, ох, непросто... Расскажу я тебе все по порядку. Ты знаешь, что мама моя, как и мы, в молодости училась в Тамбовском пединституте, родом она из поселка Ивантеевка. В сорок восьмом году перед государственными экзаменами, как обычно, студентам-выпускникам дали двухмесячный отпуск на подготовку. Место действия всей этой истории я хорошо представляю, ведь три года директорствовал в Ивантеевской школе. После войны там был лагерь немецких военнопленных. В сорок восьмом году, когда немцев стали отправлять на родину, они могли свободно гулять по поселку. Подрабатывали, кололи дрова у местных вдов, делали разную мужскую работу. На Первое мая идет моя мама, тогда совсем еще девчонка, по улице от площади, где только что закончился праздничный митинг, идет к подруге, чтобы вместе с ней пойти на концерт в местный клуб. Представь себе: весна, май, теплое солнце, праздни-

---

АЛЁШКИН Пётр Фёдорович родился в 1949 году в селе Масловка Тамбовской области в семье колхозника. Работал плотником, слесарем, трактористом, шофёром, монтером пути (1966—1982), редактором (1982—1987). В 1990—1991 гг. был директором издательства “Столица”. В настоящее время возглавляет издательство “Голос”. Автор 26 книг прозы, собрания сочинений в 3-х томах. Член Союза писателей России. Живёт в Москве

ное настроение. В ту весну, как мама говорила, особенно пышно цвели черемуха и сирень. Отпенилась черемуха, как тут же заплохала сирень. Улицы в Ивантеевке все в сирени... Соловьи в ту весну словно ошалели, по словам матери, так сладострастно, так жарко и так томно они больше никогда не пели. И в такую пору, в праздничном настроении идет по улице молодая девушка, а навстречу ей, только по другой стороне улицы, идут двое немецких военнопленных. Местные жители к ним давно привыкли, не обращали внимания. Девушка не замечает их и вдруг слышит удивленный возглас на немецком языке:

— Эрик, смотри, сестра! Твоя сестра Инга!

Девушка только теперь взглянула на военнопленных. Один — пожилой, лет сорока, другой помоложе, лет двадцати пяти, высокий, худой, с чисто выбритым лицом. Оба на вид опрятны, одеты в одинаковые легкие куртки. Они приостановились и удивленно глядели на нее. Тот, что помоложе, выговорил: “Инга!” и неуверенно шагнул в ее сторону. Моя мама поняла, что ее приняли за другого человека, вспомнила, что один из преподавателей института советовал ей общаться с военнопленными, чтобы научиться точнее произносить слова по-немецки. Мама, я буду называть ее Таней, для удобства рассказа, ответила им по-немецки, что они ошиблись, она не Инга.

— Не может быть, — растерянно выговорил молодой немец. Таня догадалась, что именно его зовут Эрик. — Ты так похожа на мою сестру.

— Значит, в древности у нас был общий предок, — засмеялась Таня.

— Видно, так, — согласился Эрик и спросил: — Откуда ты так хорошо знаешь немецкий?

— Я считала, что плохо говорю по-немецки.

— Не плохо... Акцент сильный, некоторые слова не так произносишь, — не стал ей лстыть, искренне ответил Эрик. И это Тане понравилось.

Таня сказала, что учится в институте и скоро будет учителем немецкого языка...

Когда Таня с подружкой появились в клубе, там было много народу. Свободных мест не было. Шумно. Особенно кричали, веселились подростки. И сквозь этот праздничный гам она услышала свое имя:

— Таня, Таня! — кричал кто-то. Она увидела Эрика, который во весь рост стоял посреди зала и звал ее, махал рукой, указывая на свободное место рядом с собой.

Они с подружкой пробрались к нему. Во время концерта Эрик был радостно возбужден, говорлив. Рассказал, что он тоже был студентом, уже во время войны поступил в университет в Мюнхене, хотел стать физиком, но со второго курса его взяли на фронт, и почти сразу же он попал в плен. Рассказал, что он родом из баварского городка Вальхайм. Лучше этих мест нет в мире, говорил Эрик, с востока в пятнадцать километрах озеро Штарнберг, с одного берега другого не видно, на двадцать километров тянется. На севере, тоже в пятнадцать километрах, — другое озеро Аммер, а на юге, совсем рядышком, горы, Баварские Альпы. И там, на вершине горы, самый красивый замок в мире, замок Людвига. У вас тоже красиво, хорошо, река большая, спокойная. У нас тоже река есть, неглубокая, быстрая, но без гор у вас глазу скучно.

Тане приятно было его слушать, приятны его ухаживания. “Ты, пожалуйста, поправляй меня, когда я неправильно говорю”, — попросила она Эрика. И он стал осторожно, извинительным тоном перебивать, останавливать ее, когда она неверно произносила слово, подсказывал, как нужно правильно говорить.

После концерта на улицу из клуба их вынес поток людей. Подруга и Курт отстали. Солнце было еще довольно высоко. Тепло, тихо. Ветра совсем нет. Говор веселой возбужденной толпы бурлил возле клуба. Никому домой идти не хотелось, стояли, разговаривали, смеялись. Носились ребятишки друг за другом, визжали. Как только они с Эриком спустились на площадь со ступенек крыльца клуба, Таню за руку схватил, оттянул от немца Вовка Чекмарев, бывший одноклассник. Прозвище у него у него было Зубан, из-за больших двух передних зубов. Все одноклассники Вовки служили в армии, а его

не брали. Он говорил, что — из-за плоскостопия, но мало кто верил ему, судачили, что он мастак от армии откосить... Вовка грубо схватил ее за руку, с силой оттянул в сторону от Эрика и прошипел:

— Ты что с фашистом связалась?

— Он не фашист, — выдернула свою руку Таня.

— Ага, не фашист! — смотрел на нее зло Зубан. — Он наших отцов убивал, а ты с ним чиликаешь! Если он еще раз к тебе подойдет, я его прирежу, — показал он финку. — За фашиста мне ничего не будет, может, даже орден дадут. Поняла?

— Он не фашист. Он такой же, как я, студент. И если он ко мне не подойдет, то я к нему сама подойду... Смотри-ка, напугал своей финкой. Отвали, пугальщик! — резко бросила Таня и назло ему направилась к Эрику.

— Смотри, допрыгаешься! — прошипел вслед Зубан.

— Кто это? Что ему надо? — тревожно спросил Эрик.

— Одноклассник мой... — по-русски ответила Таня, потом перевела.

— Он твой друг?

— Пытался ухаживать два года назад, но я его отшила. С тех пор, как только увидит с кем, шипеть начинает, гусак чертов... Пошли на речку?

Тане хотелось назло Зубану уйти от клуба вдвоем, показать ему, что она его не боится ни капельки. Пусть шипит вслед. Они спустились по меже мимо цветущих кустов черемухи на берег реки, который в этом месте был высок, покрыт редкими прямыми вековыми соснами со светло-коричневыми шелушащимися стволами. А внизу, у самой воды, были густые заросли ветел, ольхи, черемухи. Томительно пахло сосновой смолой, цветущей черемухой, теплой землей, грибной сыростью, а рядом, внизу, заливались, словно соревновались между собой, кто кого перепоеет, два соловья. Когда они на секунду умолкали, издали доносился томный голос третьего соловья.

— Здорово-то как! — восхищенно воскликнула Таня. — Посмотри! Ты говоришь, что у вас хорошо! Разве может быть где-то красивее!

— Да, хорошо, — согласился Эрик. — Были бы, вместо того облачка, горы, — указал он на горизонт, — и было бы точь-в-точь, как у нас в Баварии.

Они пошли по тропинке по берегу реки, спускаясь все ниже и ниже к воде, к тому месту, откуда доносился плеск воды.

—купаются? — удивился Эрик. — Холодно же. Заболеют.

— У нас всегда так, — успокоила его Таня. — Как только солнце пригреет, ребятишки в воду. И я в ледяную воду лезла, когда маленькой была.

Разговаривая, они дошли до деревянного моста через Цну. Серые бараки лагеря военнопленных были на другом берегу за деревянным забором с колючей проволокой. Прощаясь, Эрик осторожно взял ее ладонь в свои руки и пошутил смущенно:

— Я завтра готов снова учить тебя хорошо говорить по-немецки. Если ты хочешь...

Дома ее встретила мать сердито.

— Говорят, ты с немцем дружбу завела?

— Ой, мам, кто ж тебе сказал? — удивилась Таня. — Не успеешь словом с человеком перемолвиться, как весь поселок знает... Мне, мам, скоро госэкзамены сдавать, а немецкий язык — моя специальность, строже всего спрашивают. Практика нужна.

— Сдавать экзамены, дак учебники читай, не шляйся по клубам.

— Учебники — хорошо, но еще разговорная практика нужна. Вот я и поговорила с человеком, у которого немецкий язык родной. Я, может, совсем не так их слова произношу, а он мне подсказывал.

— Ну, тада ничего, — смягчилась мать. — Людям только дай, увидят и сразу языками чесать... Немцы-то наши вроде безобидные, хулиганства от них не слыхала, но ты все равно смотри, — снова она повысила голос, — а то они, эти разговоры, Бог знает, к чему приведут.

Как в воду глядела мать Тани. Почему-то вечером перед сном Эрик не выходил у нее из головы, вспоминался разговор с ним в клубе во время перерывов в концерте, прогулка по берегу реки, шальные соловьи, которые будто старались друг перед дружкой, чтобы понравиться им. Вспоминались

его глаза, голос, его жаркие руки, когда он взял ее руку в свои пред прощанием. Без особой тревоги вспоминалась угроза Вовки Зубана. “Ревнует, дурачок! Ну, разве не понятно ему, что они не пара, не понимает, что им да же говорить не о чем. Не поймут друг друга!”

На другой день они снова гуляли по берегу Цны. И снова соловьи старались для них, снова уже по-летнему палило солнце, еще острее пахли сосны, черемуха, деловито жужжали шмели, перелетая с поздних золотых цветов мать-и-мачехи на ранние цветы одуванчиков.

— Скоро, совсем скоро, нас отправят домой, — говорил грустно Эрик. — До вчерашнего дня я с нетерпением ждал этого момента, а вчера вечером мне вдруг захотелось еще немного побыть здесь, захотелось, чтобы ты на экзаменах разговаривала на немецком языке наравне с преподавателями.

Тане приятно было это слышать, приятно шагать рядом с Эриком по узкой тропинке. Нежная теплота пронизывала ее, когда их руки случайно соприкасались. Он снова рассказывал ей, как прекрасна его Бавария.

— А соловьи у вас есть? — спросила Таня.

— И соловьи, и черемуха, и шмели, и сосны — все такое же. Только еще есть горы...

— Я никогда не видела гор, — сказала Таня, — и ни разу не видела моря.

— Моря у нас нет, у нас озеро, как море, берегов не видно. И совсем неподалеку Баден-Баден. Там русские любили жить. Тургенев там был, Достоевский. Русским у нас всегда спокойно и хорошо жилось.

Гуляли они по берегу реки, сидели под соснами, слушали соловьев и на следующий день, и через день, и через два дня, и через неделю. Таня все с большим нетерпением ждала встречи с Эриком, все нежнее и томительней были их прикосновения друг к другу. Эрик был внимателен, заботлив, терпелив, только глаза его темнели от страсти, когда он прикасался к ее руке. Все томительнее, страстнее были их прощания.

— Хочешь, я покажу тебе наши горы, озера, замок Людвига? Ты будешь очарована! — сказал однажды Эрик. Они стояли на своем любимом месте, на высоком берегу реки среди высоких сосен с жаркими желтыми стволами. Соловьи внизу у воды, казалось, совсем потеряли головы от счастья, страсти.

— Хочу, — невольно вырвалось у нее.

— Хочешь? Ты, правда, хочешь? — не сдержался, схватил он ее возбужденно за руки.

— Хочу, — горячо глядела она ему в глаза. — Но как это сделать?

— Поедем со мной! Я тебя люблю, я давно тебя люблю. Я не представляю свою жизнь без тебя. Моя семья, папа с мамой, моя сестра примут тебя как родную, как дочь, как сестру! Я уже написал им, что встретил тебя, что ты так похожа на Ингу.

— Я тоже не знаю, как я буду без тебя, — прошептала она. — Но как мне быть? Институт, мама с маленькими братьями, и разве меня просто так отпустят с тобой, с пленным? Разве это можно?

— Можно, можно, — снова горячо заговорил он, не выпуская ее рук из своих. — Я уже говорил в лагере, узнавал... Только разрешение надо ждать. А сначала надо жениться нам здесь, по вашим законам. Потом будет можно... Меня должны были с первой партией отправить домой через два дня, но я отказался, попросил, чтоб меня пока оставили... Давай зарегистрируемся по вашим законам.

Она от волнения, от тяжести принять важнейшее для своей судьбы решение, от страха перед будущим не могла вымолвить слова, только кивала головой, соглашаясь с ним. Он прижал ее к себе, к своей большой груди. Она, казалось, полностью соединилась с ним, ушла в него, растворилась в нем, осталось от нее только нежное пушистое облачко. Ни она, ни он не услышали злого насмешливого голоса Вовки Зубана:

— Вот они где, голубки!

И увидев, что на его слова они совершенно не обращают внимания: как стояли, прижавшись друг к другу, так и стоят, крикнул громче и жестче:

— А ну отлипайте друг от друга! Слиплись, сволота!

Тут только они услышали его, отстранились друг от друга.

— Слушай, Вовка, уйди, уйди, пожалуйста, от нас, — спокойно, но умоляюще заговорила Таня. — Отстань, не мешай. Не до тебя.

— Я тебе говорил, чтоб ты не возжалась с ним? — спросил желчным голосом Вовка и сам себе ответил: — Говорил. Я тебе говорил, что прирежу фрица, если увижу его с тобой? Говорил. Сейчас на твоих глазах я буду его резать, а пока потешусь. — Он резко, почти не размахиваясь, ударил Эрика в челюсть.

Немец не ожидал удара, не успел защититься и полетел на землю, на коричневые иголки сосен. Таня сама не поняла, что с ней произошло. Она прыжком, тигрицей кинулась на Вовку, вцепилась ему ногтями в лицо, в глаза. Зубан взвизгнул от неожиданности, упал навзничь. Таня оказалась на нем. Вцепилась руками в его чуб и стала долбить его затылком об обнаженный корень сосны. Зубан извернулся, скинул ее с себя и, завывая, прикрывая окровавленное лицо ладонями, бросился бежать от них. Вся эта схватка заняла по времени секунд пять, не больше. Таня поднялась, глядя вслед убегающему Вовке, и вдруг ей стало так неудержимо смешно, что она захохотала.

В эту ночь она пришла домой поздно, раньше никогда так не приходила. Оба младших брата уже спали. Не спала только мать. Она все сразу поняла и заплакала тихо, чтобы не разбудить сыновей.

— Мама, я выхожу замуж. Завтра мы подаем заявление в загс и попросим, чтоб нас поскорей расписали.

— За кого, за кого ты выходишь, а? За немца! Они же твоего отца убили! Ты подумала, ты хорошо подумала о себе, о братьях своих, о матери? — шепотом причитала мать.

— Мама, Эрик никого не убивал. Он не хотел воевать с нами. Его насильно взяли. Он студент, как я. Я тебе говорила об этом. И он никого не убивал ни русских, ни татар... А вас мы не бросим. Мы будем непременно помогать, оттуда легче будет помочь. Мы уже все обговорили с Эриком.

— С Эриком она обговорила, — горько качала головой мать. — А с родной матерью поговорить не понуждалась...

Таня прижала голову матери к своей груди и тоже завсхлипывала.

На другой день они с Эриком подали заявление в загс. Расписать их обещали через три дня. В эту ночь Таня снова пришла поздно. А на следующий день они, как прежде, гуляли по своим любимым местам у реки и говорили о будущем. Тихонько брели, поднимались вверх по склону к соснам. И были увлечены разговором так, что не заметили, что три парня, прижавшись к стволам сосен, стоят, ожидают. Один из них Вовка Зубан. Лицо у него обезображено полосами от ее ногтей.

— Смотри-ка, — сказал Вовка ехидно одному из друзей. — Гуляют, как ни в чем не бывало. Наглецы! — И достал финку.

— Нож убери, — остановил его тот, к кому он обращался. — Мы и так обработаем его на славу.

— Не-е, я обещал, а слово надо держать, живым его я не отпущу.

Таня, увидев ребят, встала впереди Эрика, прикрыла собой. А он взял ее легонько за плечи и отодвинул в сторону. Когда Таня услышала слова Вовки Зубана, увидела в его руке финку, с ней, как и в прошлый раз, что-то случилось, она снова звериным прыжком бросилась к нему. Зубан выкинул на встречу руку с ножом и воткнул его в грудь Тани по самую рукоятку. Последнее, что она увидела в тот момент — это кровавое лезвие ножа, как-то медленно выходящее у нее из груди. И упала. Таня не видела, как следом за ней на Вовку бросился Эрик, как выбил из его руки нож, как сбил с ног Зубана, как упал на него и стал, не помня себя, бить его своими тяжелыми кулаками по лицу, бить куда попало. Бил до собственного изнеможения. Друзья Зубана молча, окаменело смотрели на них. Не вмешивались.

Потом они втроем на одной машине отвезли в больницу и Таню, и Вовку. Врач только взглянул на тело Зубана и произнес устало:

— Этот готов. — Потом осмотрел рану Тани и буркнул со вздохом: — Долго не протянет. С такой раной не выживают. — И вызвал милицию.

В камере, как рассказывали потом сокамерники, Эрик даже не присел на нары. Все ходил и ходил из угла в угол, ходил и ходил, никого не видя, не откликаясь, когда к нему обращались. К ужину не прикоснулся. Ему протянули миску с едой. Он приостановился и с жуткой тоской в голосе выговорил по-русски:

— Он... убил... ее...

И снова стал ходить безостановочно из угла в угол. После отбоя, когда все устроились на своих местах, он продолжал ходить, бормоча: он убил ее, он убил ее. Один из сокамерников, раздраженный тем, что Эрик мешает ему отдыхать, схватил его за руку, остановил и указал на нары, мол, ложись, спать надо, не мешай.

Эрик послушно лег поверх одеяла и затих. Утром все так же лежал, как прилег, не шевелился. Сокатерники попытались его разбудить и обнаружили, что он мертв. Врач предположил, что сердце не выдержало, разорвалось.

— А мама, как ты знаешь, выжила. Сдала экзамены, почувствовала, что беременна, и попросила, чтоб ее распределили подальше от Ивантеевки. Там ей было бы жить не просто. Так она оказалась в вашем краю. Там я и родился.

— Да, история, — вздохнул Анохин. — И ты давно узнал об этом?

— Больше десяти лет назад. Я уже работал в Ивантеевке и обратил внимание, что мама частенько заглядывает на немецкое кладбище, цветы носит, ухаживает за могилами. Однажды застал ее сидящей на скамеечке возле одной могилы, особо любовно убранный цветами. Тут-то она и ошарашила меня, сказав, что здесь лежит мой отец... И ты знаешь, завещала она, чтоб ее похоронили на немецком кладбище, рядом с моим отцом. Я так и сделал.

— Да-а, — снова протянул Анохин, не зная, что сказать.

— Это еще не вся история, — продолжил Рзянин. — Мама запомнила название городка, где родился Эрик, а на могильном камне было выбито его полное имя. Я решил разыскать его родственников, приехал в Вальхайм, места там, действительно, прекрасные, чудесные места, и, представляешь, довольно быстро разыскал ту самую сестру отца, Ингу, которая была похожа на маму. Конечно, немецкий и русский налет на их лицах был, но черты были поразительно одинаковы. Тетя Инга говорит, что я тоже очень похож на отца, ее брата. А сына моего, Алешку, она Эриком зовет, говорит, копия Эрика. Она ведь запомнила брата молодым. Тетя Инга теперь каждый год прилетает на могилы своего брата и несостоявшейся невестки, моей матери.

Рзянин умолк. После такой печальной истории любви сельской учительницы и военнопленного немца не хотелось говорить ни слова. Молчание затягивалось, и Анохин сказал, что был в тех местах, в Баварии, они, действительно, несравненно хороши...

От всей души поздравляем Петра Фёдоровича Алёшкина с шестидесятилетием! Рождённый в глухой тамбовской деревне Масловке, в семье неграмотных родителей, совсем ещё мальчишкой он твёрдо решил посвятить свою жизнь родной русской литературе. И добился своего! П. Ф. Алёшкин — автор многих прозаических книг, исторических исследований, публицистических статей. Желаем Петру Фёдоровичу крепкого здоровья, новых творческих свершений!

Редакция "НС"